

Симона Вилар

ДОМОВЕНОК

Домовенок хотел стать человеком.

Обычно нелюди о таком не помышляют. Зачем? Ведь живут они куда дольше простых смертных, без проблем и страхов, без кипения чувств и страстей — так, как и полагается проводить свой долгий век бездушной нежити. Люди же проживают свой короткий век в трудах и заботах, бурно радуются и мучительно переживают, к чему-то стремятся, чего-то добиваются. Суетно как-то. Поэтому всякой нечисти эти имеющие душу смертные представляются существами неумными, сжигающими самих себя. Однако наблюдать за людьми, ведущими совсем иное существование, духам и иной твари интересно — это их развлекает, вносит в их долгое бесстрастное бытие некую остроту и яркость. Но чтобы кто-то захотел стать человеком... смертным... и исчезнуть так скоро... Даже представить страшно!

И все же Домовенок хотел хоть немного побыть человеком.

Он и сам не мог припомнить, когда у него появилось это желание. Он вообще не очень-то понимал, что значит «давно» и чем оно отличается от «сейчас». Просто с некоторых пор понял — никогда ему не стать настоящим домовым. Ибо у домового должен быть дом, чтобы считать себя полноправным духом. У Домовенка же с этим все время не ладилось. И в нем поселился страх. Вот, наверное, тогда и возникло это желание — стать не просто духом, а немного пожить по-настоящему. Иначе вообще исчезнешь, так и не поняв, существовал ли ты когда-нибудь.

А ведь как хорошо все начиналось! Пришли люди и поставили на отроге Щекавицы небольшую избушку. Не в самом огороженном частоколом граде на высотах Киева, не на Подоле у Днепра, а именно на хребте горы Щекавица, где пришлым чужакам было дозволено селиться. Вот пришлые и соорудили бревенчатый сруб, сверху кровлю настелили, рядом пристроили небольшую клетушку для инвентаря и десятка кур-несушек. А потом самое главное — принесли в горшке горячих углей, взятых у кого-то из уже живших в округе полян. И как запылал в очаге нового дома свой огонь — Домовенок и появился.

Домовой обычно растет вместе с домом, но никогда не суется на глаза хозяевам. Правда, может показаться хозяйским детям, когда те еще совсем малы, — это духи любят. Нравится им попугать глупых маленьких человечков, нагнать на них страху. Зайдется вдруг ни с того ни с сего плачем дитенок, взрослые всполошатся, носятся с глуздырем, укачивают, а домовому веселье. Наблюдает, подхихикивает из подпола. И знает, что младенец ничего объяснить не может. Самих хозяев домовый побаивается, и если пакостничает, то только исподтишка. Однако рачительные хозяева, зная, как умаслить домашнего духа, крынку с молоком на ночь оставляют у дверей. Для домового ничего слаще этого нет. Тогда он даже по хозяйству берется помогать — уголек там выпавший из очага затушит, пробравшихся в закрома мышей отпугнет, пыль сдует с притолоки.

Но в недавно построенном у Щекавицы доме Домовенок был еще мал, поэтому просто сидел под порогом, вздыхал да прислушивался, о чем хозяева толкуют. Ведь любопытно же, что там у них происходит! Узнал он, что мужчина и женщина, поставившие избу на отроге горы, были людьми пришлыми, приплывшими по Днепру в Киев из далекого северного Новгорода. А покинули они свою землю потому, что в том далеком Новгороде появился новый правитель, иноземец Рюрик, но против него начались возмущения, вот нынешний хозяин Домовенка и пристал к некоему воеводе, прозывавшемуся Вадим Храбрый. Вскоре отряды Вадима были разбиты Рюриком, и многие из тех, кто стоял за ним, съехали, отправившись искать счастья на чужбине. Вот и хозяева Домовенка, молодые супруги с малым дитем, тоже были из таких.

Домовенок слышал, как хозяин говорил жене:

— Не грусти, родная. Хороший плотник нигде не пропадет, а новгородские плотники и в Киеве сльвут лучшими умельцами. Так что будет у нас работа, обустроимся не хуже, чем в Новгороде.

Что хозяин Домовенка был и впрямь умелец, дух дома понял быстро. Он и крылечко возвел со ступеньками, и столбики фигурные вытесал, навес шатровый сколотил, кровлю украсил резным коньком. Нравилось Домовенку по ночам взбираться на этого конька, сидеть на нем, свесив мохнатые лапки. Был собой Домовенок весь такой серый да лохматый, глаза-бусинки из-под космеле проблескивают, но знал, что со временем станет он походить ликом на своего хозяина, — так уж заведено у домовых, если долго живут с людьми.

И все вроде шло хорошо поначалу — хозяин работал, жена его хлопотала по хозяйству, второй ребеночек у них со временем появился. Но потом приключилась беда.

Принесли хозяина какие-то люди, рассказали плачущей хозяйке, как мужа ее привалило бревном на строительстве терема на Горе Киевской. Обнадеживали — отлежится немного да и оклемается.

Однако не сложилось. Стал хиреть и болеть хозяин, кровью кашлять. А там и помер.

Домовенок сидел тихой тенью под крылечком, смотрел, как к хозяйке какие-то люди приходят, говорят слова утешительные, снесь всякую несут, чтобы продержалась. Ох и горевала хозяйка, детки ее пищали, плакали! Домовенку все это было страсть как любопытно. Но время шло, и стал Домовенок походить на эту женщину, потому как надо же духу домашнему на хозяев равняться. Не от детей же хозяйских обличье перенимать! Да и помер вскоре младшенький.

К вдовице же новгородца-плотника начали какие-то мужики похаживать да на ночь оставаться. Домовенок все ждал — вот какой-нибудь из них останется насовсем, начнет хозяйством заниматься, дом укреплять. Но опять не сложилось. А потом как-то собрала женщина пожитки в узелок, взяла старшенького своего за руку и, подперев дверь колом, ушла невесть куда. Домовенок ее ждал, вздыхал в тиши. А сколько ждал? Духи о времени понятия

не имеют. Но затем начал он волноваться, оттого что сыро в избе, очаг простыл, с потолка капать начало. Плохо в пустом доме. Скучно. Да и без жильцов домово́й вовсе сгинуть может.

Но однажды пришли в подзабытый домишко двое каких-то мужичков, поселились, стали хозяйствовать. Корзины плели, на рыбные ловы уходили. Домовенок повеселел с ними. Обликом то на одного, то на другого походил — какая ему разница на кого. Понял, что мужички — братья, да только догадываться стал, что хозяйева они не больно рачительные. Крыша вон как текла, так и течет, краска на коньке облупилась. Но Домовенку все равно нравилось сидеть ночами на нем, смотреть на низину Подола, где всегда было шумно и людно, можно было рассмотреть, как в Почайну заходят струги речные, сворачивают широкие паруса. Под отрогом Щекавицы протекал ручей Глубочица, и там порой толпы людей собирались: бабы стирали у мостков, мальчишки с удочками сидели, молодежь сбивалась в стайки, пели, шумели, гонялись друг за дружкой. Интересно люди жили, весело!

Но тогда Домовенок еще не подумывал человеком стать. Ему и с братьями не худо жилось, слушал, о чем они меж собой толкуют. Так он узнал, что князьями в Киеве стали Аскольд с Диром, суровые варяги, и что собираются они ходить в дальние походы. А позже старший из братьев заявил, что подумывает примкнуть к князьям следующей весной.

Как-то пришел он в дом в воинском облачении — копытный доспех, на голове клепаный островерхий шлем, копье длинное, круглый щит за плечом. Младший на него смотрел с грустью, говорил, что боязно ему за брата, что рискованное дело тот задумал. Но старший настоял. И ушел.

Больше Домовенок о нем ничего не слышал. А младший из братьев со временем грустить стал, одиноко жил, ни с кем не общался. Да и дом совсем запустил. Годы шли, Домовенок на него все больше ликом походить стал — такой же унылый и молчаливый сделался. Даже на коньке посиживать разлюбил. Только когда в Киеве случались большие празднества, немного оживлялся. Знал, что внизу, у Почайны, где располагалось капище Велеса, творят большие жертвоприношения, и тогда казалось, что сам Велес незримо везде присутствует. От этого Домовенку хорошо становилось. Совсем

не так, как бывало, когда Перуна на Горе Киевской чествовали, когда грозы шумели и сам Перун пронесился по небу на своем ветряном коне. Ох, как же боялся Домовенок Перуна! Громовержец нежить не любит, может и молнию метнуть. Прятаться тогда надо!

Хозяин Домовенка на празднества обычно не ходил. Домовенок же узнал как-то от ночного блазня, что хозяина его никто не любит, оттого и бирюком его зовут. Говорят, что до того, как старший брат его погиб в походе князя Аскольда на Царьград, он еще как-то общался с окрестными жителями, а ныне совсем одичал. Но домашнему духу надо держаться за того, кто в доме хозяин. Пусть тот и скверно хозяйствовал — куры у него дохли, коза молока мало давала, да и не любил Домовенок эту козу желтоглазую. Вот завел бы его хозяин корову или овец — еще куда ни шло. Тогда бы с ними и дворовой поселился, было бы с кем поболтать по ночам. А так живет Домовенок с бирюком-хозяином, стареет вместе с ним. Но кое-как живет.

Хуже стало, когда однажды по сырой поре слег его хозяин, кашлял и хрипел несколько дней, а потом и вовсе затих. Со временем и запахок дурной от него пошел. Но Домовенку-то что? Он теперь ждал, когда еще кто придет.

Уже и солнце припекать начало, когда пришли к избенке какие-то бабы, заглянули за разбухшую от весенней влаги дверь — и с визгом прочь. Потом волхвы явились, привели рабов в рубище, приказали похоронить полуразложившегося мертвеца. После чадили в доме густым дымом, изгоняли дух усопшего. А меж собой говорили — мол, худо, когда люди покидают роды семейные и вот так живут и умирают в одиночестве, никому не нужные. Да и дом этот плохой, может, и вовсе спалить его?

Ох, как же испугался тогда Домовенок! Для духа домашнего потерять дом — хуже некуда. Он для долгого существования из огня домашнего появился, но если дом сжечь, не станет ни дома, ни домового.

Но волхвы, похоже, передумали. Теперь, сказал один, при новом князе Олеге, много народа стало в Киев стекаться. Олег тот — правитель удачливый, вот под его руку и потянулись люди в Киев-град, селятся по всей округе. А потому дом на хребте Щекавицы трогать не стоит. Мало ли кто еще тут приживется.

Домовенок тоже на это надеялся и ждал нового хозяина. Без людей-то скучно. Да и плошку с молоком никто у порога не поставит, не побалуует. Хозяин-бирюк уж на что не хозяйственный был, и то нет-нет, а ставил. А как издохла эта коза... Совсем грустно было домашнему духу без хозяина. Только и слушал, о чем иные природные духи переговариваются. То ветер свистнет, застучит покосившимся ставнем, то травяники зашепчутся в разросшейся у плетня крапиве, а то и волколак какой забредет в промозглую зимнюю ночь, завоюет на луну, пугая окрестных жителей.

Домовенок без хозяина совсем маленький стал, почти прозрачный, безликий и едва различимый. Вот тогда он и загоревал, жалея, что однажды может просто истаять, будто и не было его. Вон люди — те живут пусть кратко, но полной жизнью. И он впервые подумал, что готов стать хоть на краткий миг человеком, побродить по свету, спуститься к водам ручья Глубочицы, пощупать, какая она. Сам удивился, что о таком мечтает.

А потом — о радость! — вновь поселились в избушке люди. Старичок со старухой, у которых внучка была славница. И опять хорошо зажилося Домовенку. По вечерам, как и прежде, слушал, о чем люди бают. Интересно-то как! А они говорили, будто большая свадьба на Горе Киевской была, князь Олег своему воспитаннику Игорю привез из далекой Псковской земли невесту, Ольгой нареченную. Хозяйская внучка-славница даже ходила на то великое ликование поглядеть, поздно вернулась, да еще и с парнем пришла; целовалась с ним за плетнем, пока дед не заметил. Выскочил он с хворостиной и давай ухажера внучкиного обхаживать. Девушка же кричала, обижалась. Но и ей хворостиной перепало. Домовенок вдосталь насмеялся. Весело все же с людьми, есть на что поглядеть.

Но такая жизнь длилась недолго. Внучку хозяйскую вскоре просватали, она ушла, а старики остались. Тихо жили, зато как радовались, когда внучка замужняя их навещала! Да только век людской короток, умерли оба — сперва старушка, за ней и старик. А внучка с тех пор больше не приходила. Вновь опустел домишко на отроге горы.

Дожди шли, проникая под недавно чиненную кровлю, снегом избушку засыпало. По весне глинистый склон стал оплывать, домишко совсем покосился, никто там селиться не хотел. Домовенок

грустил, мяукал темными ночами, как кот, — может, хоть кошка какая придет на голос, будет на кого посмотреть. Кошки и впрямь порой забирались в пустующее строение, одна даже котятку вывела. Детишки как-то забрели, играли с котятами. Домовенок думал, что, может, хоть детки поселятся тут. Но тех матери кликали — и опять пусто. А котята выросли и разбежались.

Домовенок теперь даже случайным гостям радовался. Останавливались на ночлег какие-то калики перехожие, спали на пыльных половицах, жевали хлебушко да беседовали. Домовенку и их послушать было интересно. Так он узнал, что князь Олег ходил походом в далекие края, да удачно, витязи его обогатились, терема высокие по всему Киеву ставят. «Терема...» — вздыхал Домовенок. Вот бы где домовым стать! Но ведь не переберешься со своего места. Это только люди идут, куда захотят. Он же сидит тут сиднем, все меньше становится. Даже пришлые калики его не замечают. Хотел он подобраться к ним поближе, так смахнули портянкой, как пыль, даже не заметив. А потом ушли. И Домовенок опять подумал, что человеком быть хорошо. И эта мысль уже не показалась ему странной.

Потом в его домишке начала собираться на посиделки окрестная детвора. Пекли репу на камнях очага, ели ее, присолив, орешки щелкали, болтали о всяком. Из их рассказов Домовенок и узнал, что князю Олегу волхвы будто бы предрекли умереть от коня его и князь, чтобы не случилось беды, услад своего длинногривого любимца. Но вскоре конь тот помер, а Олег, прознав об этом, сперва закручинился, а потом стал зло насмехаться над волхвами — мол, лжецы. И пошел посмотреть на кости павшего скакуна, да ступил ногой на его череп — а оттуда змея! Укусила князя, он и помер. Мальчишки ахали, волновались, жутко им было. Говорили, что волхвов слушать надо, что они мудрее тех христиан, что селятся на Подоле и рассказывают о своем Иисусе Христе, которого никто тут, в Киеве, не видел, и еще неизвестно, стоит ли в него верить.

Домовенок тогда сильно разволновался, страшно ему сделалось. Может, потому, что понимал — и эти уйдут, оставят его зыбкой тенью, которая однажды исчезнет. А может, просто неудобно ему сделалось от вестей про этого Иисуса. Раньше ведь о нем никто не говорил, не упоминал — ни бывшие хозяева, ни путники,

ни сквозняки, что вечно что-то лопочут под стрехой. Даже сороки, разносящие вести, не пробалтывались. Теперь же — Иисус... И такой страх вдруг нашел на Домовенка, что захотелось ему уйти хоть куда-нибудь. Да как уйдешь? Он дух дома, его место здесь. И Домовенок остался в своей ветшающей избушке.

Как и прежде, если кто-то заходил в дом хоть ненадолго, он подрастал и надеялся, что нечаянный гость останется. Однажды парочка полюбовников повадилась приходить, чуть стемнеет: бросали на половицы мягкие овчины, любились страстно, стонали, дышали бурно, вскрикивали — ох, как же Домовенку было любопытно за ними наблюдать! Но еще до первых петухов полюбовники уходили. А потом женщина одна пришла: ждала, ждала своего милого, плакать начала. Да так горько! Но Домовенку от ее горя еще интереснее сделалось. До чего же бурно и необычно люди себя ведут! Вечно у них что-то происходит.

Женщина эта еще не раз приходила, сидела, ждала. Когда она тихо сидела, Домовенку было забавно ее растормошить — то пыль ей на голову с балки стряхнет, то вздохать в темноте начнет, чтоб напугать. Женщина и впрямь разволновалась — поняла, что неладно тут, поспешила исправиться и стала Домовенку молочко у порога ставить. Ему это понравилось. Он даже стал на нее походить — бровки выгнулись дугой, ротик маленький, как малиновая ягодка, обозначился. И думал: ну, останься ты, щедрая, со мной — все пылинки по углам приберу для тебя!

Она и осталась. Повесила как-то веревку с петлей на балке-матице, влезла в нее и повисла, суча ногами. Долго так провисела — день, второй, третий. Когда Домовенку скучно сделалось, он стал подпрыгивать, дотягивался до ее босых ступней, раскачивал. Хоть какое-то развлечение.

Но другим это развлечением не показалось. Вошли как-то люди и такой шум подняли! Вынули удавленницу из петли, стали горевать по ней. А промеж себя опять заговорили: надо бы домишко этот несчастливый разрушить. Страшно было это слышать Домовенку. А куда денешься? Был бы он человеком, ушел бы прочь. Но понимал, что нежити смертным не бывать. А вдруг можно? Но как?

Домишко все же не тронули — уже хорошо. Зато стороной стали обходить. Но однажды заполз в него какой-то израненный